

2018
март
№3 (225)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

Петр Люкимсон

70 ЛЕТ СПУСТЯ. КФАР-ДАРОМ

Их было двадцать пять — еврейских мальчиков и девочек, оказавшихся за деревянными стенами крохотного поселения посреди сектора Газа в бушующем море арабов. Основанный ими форпост Кфар-Даром был единственным препятствием на пути египетской армии к Тель-Авиву. И она не прошла, потому что 228 дней и ночей они, находясь в блокаде, отражали одну за другой арабские атаки.

Они хоронили убитых товарищей, они были истощены до предела, а часть из них — тяжело ранены, но они наотрез отказывались покидать форпост и оставались на посту, пока были силы держать оружие. На протяжении 70 лет их подвиг, перед которым меркнут многие деяния античных героев, в Израиле замалчивался. И лишь несколько дней назад в Кнессете прошла церемония чествования защитников Кфар-Дарома. Правда, в живых из них остались только двое.

Их было двадцать пять — еврейских парней и девушек, отправленных весной 1946 года в район Газы для создания нового еврейского кибуца. Всем им было от силы 19-20 лет. И все они были сиротами из Германии и Польши, прошедшими через гетто и концлагеря. После окончания Второй мировой войны их перевезли в подмандатную еще тогда Палестину и поселили в религиозном поселке Кфар-Хасидим, поскольку сироты были выходцами из религиозных семей.

«Командир Второго батальона «Пальмаха» Моше Нецер, отвечавший за безопасность Негева, решил дать этим молодым религиозным евреям, проникнутым духом сионизма, самое трудное задание — поселиться в секторе Газа, посреди арабов. А они были из тех, кто хотел получить трудное задание», — вспоминает Цвия Эппельбаум, дочь Авраама Димента — одного из командиров Кфар-Дарома.

Среди основателей Кфар-Дарома была и её мать — Иегудит, но молодые люди еще не знали, что им предстоит пожениться, родить и воспитать троих детей, увидеть внуков и дожидаться правнуков. Аврааму Дименту было суждено умереть в 2005 году вскоре после того, как были снесены все еврейские поселения в Газе. По его собственным словам, второе уничтожение Кфар-Дарома ста-

ло для него даже еще более тяжелым испытанием, чем первое.

Но тогда, в 1946 году, двадцать пять молодых евреев в рекордно короткие сроки создали, назвали его Кфар-Даром, то есть «южная деревня», и стали обживать. Место для нового поселения было изначально выбрано не случайно — Кфар-Даром расположился на магистрали, ведущей из Каира в Тель-Авив. Местные арабы время от времени обстреливали еврейскую молодежь, однако это были незначительные и спорадические инциденты, на которые почти не обращали внимания.

Всё изменилось в ноябре 1947 года — сразу после принятия ООН решения о создании на территории Палестины еврейского и арабского государств. И уже 30 ноября вокруг Кфар-Дарома развернулись ожесточенные бои. Местные батальоны «Братьев-мусульман» решили очистить территорию сектора Газа от евреев, и одна атака на Кфар-Даром следовала за другой. Затем к «Братьям-мусульманам» присоединились

часть регулярной египетской армии, и вскоре крохотное еврейское поселение оказалось в блокаде. Среди его защитников начался голод, им недоставало воды. Тогда с воздуха им сбросили 70 кг шоколада — им они питались на протяжении многих дней.

«Голод — это ерунда, его можно перетерпеть. К голоду мы все были привычны. А вот жажда куда страшнее! — вспоминает Авраам Бар-Эзер, защитник Кфар-Дарома. — Без воды ты падаешь духом, тебе становится все безразлично. Мы вылезали ночью к колонке, чтобы накачать немного воды. Ну и, естественно, тут же попадали под обстрел. Во время одной такой вылазки меня сильно зацепило в ногу. Тогда меня еще можно было вывезти, но я отказался. Зачем? Я вполне мог стрелять, а у нас каждая винтовка была на счету! Так же вели себя и все остальные наши товарищи».

При этом живность в Кфар-Дароме водилась и в те дни, но защитники не ели её по религиозным соображениям. Когда небольшая группа бойцов «Пальмаха», отправленная им на подкрепление, сумела, наконец, проникнуть в Кфар-Даром, то обнаружила разгуливавших между домиками кур. Бойцы «Пальмаха» немедленно свернули птицам головы, ощипали и стали варить бульон.

— Вы ешьте, а мы не станем! — сказал Авраам Диамант. — Среди нас нет шойхета, который мог бы их кошерно порезать.

Один из самых сильных боёв пришелся на 11 марта 1948 года. После шквального минометного огня, от которого защитники Кфар-Дарома вжались в стены, в атаку под прикрытием пулеметов пошли сотни арабов. Каким образом двум десяткам евреев удалось выстоять и остановить это наступление, остается непонятным, но уже к вечеру арабы были отброшены назад. Не менее тяжкий бой выдался и двумя месяцами позже — 11 мая 1948-го, но арабы снова отступили.

К 8 июля в Кфар-Дароме оставалось в живых всего 14 защитников. А по радиосвязи командование передало данные разведки: следующим утром египтяне предпримут еще одну массированную атаку, которую поселенцам, вероятно, уже не выдержать. Командование предложило защитникам Кфар-Дарома покинуть ночью поселение и, пробравшись между египетскими патрулями, добраться до Негева.

«Я помню последние дни существования Кфар-Дарома, — вспоминал Йосеф Вальд, один из двух доживших до наших дней участников тех событий. — Сначала нам пообещали прислать солидное подкрепление, вместе с которым мы осуществим прорыв в Неgev. Потом нам сообщили, что подкрепления не будет, и мы должны сами под покровом ночи двинуться на восток».

За полночь в абсолютной темноте группа начала ползком выбираться из поселения. С собой взяли только раненых, оружие и два свитка Торы. «Я полз первым и прокусил специальными ножницами поставленную египтянами вокруг Кфар-Дарома ограду из колючей проволоки, — рассказывает Йосеф Вальд. — Но разумеется, все пошло совсем не по плану: высланная нам навстречу разведгруппа попала в засаду египтян и вынуждена была вступить в бой. А мы, услышав звуки этого боя еще когда ползли между египетскими патрулями, бросились поддержать наших. В результате нам все-таки удалось соединиться с разведгруппой, понесшей тяжелые потери. Вместе с ними мы вышли к своим».

Когда оставшиеся в живых защитники Кфар-Дарома предстали перед Моше Нецером, отправившим их туда, они качались от голода и снова походили на узников концлагеря. Но они уже были совершенно другими евреями!

Утром 9 июля египтяне, действительно, начали массированный артобстрел поселения, после которого сотни арабских солдат с приказом «Пленных не брать!» устремились в атаку.

Окончание на с. 2

**С НАСТУПАЮЩИМ ПРАЗДНИКОМ ВЕСНЫ
И СВОБОДЫ — ПЕСАХ!**

ДАЙДАЖЕСТ.Е

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ С АЛЬДО ИЦЦО

86-летний Альдо Иццо — капитан дальнего плавания, который после выхода на пенсию стал хранителем старейшего еврейского кладбища в Венеции.

Как вы стали хранителем этого кладбища?

— В детстве я жил здесь, на острове Лидо, отделяющем Венецианскую лагуну от Адриатики. И любил я тогда две вещи — море и это старое заброшенное кладбище. Мы с братом обожаем приходить сюда, бегать среди деревьев, натываясь на торчащие углы надгробий, и представлять себя мореплавателями, искателями сокровищ и просто храбрыми, ничего не боящимися людьми. Что произошло, когда я вырос? Я сохранил эти две привязанности в своем сердце — стал капитаном дальнего плавания и начал более глубоко изучать историю первого еврейского кладбища в Венеции. Это ведь фактически старейшее еврейское кладбище в Европе! Оно было отдано еврейской общине Венеции в 1386 году. При этом о нем, к сожалению, знают куда как меньше, чем о раскрученном в туристическом плане еврейском кладбище в Праге, которое было основано только лишь в 1478 году.

Тогда, в конце XIV века, еврейской общине спокойно выделили место под кладбище?

— Относительно спокойно. То есть, с одной стороны, до выраженной неприязни к евреям и Венецианского гетто было еще больше века. Создание еврейского кладбища было абсолютно явным сигналом об укреплении еврейской общины на территории Венеции, но местные власти на это пошли. Но с другой стороны, по соседству с пустырем, который и определили под еврейское кладбище, был бенедиктинский монастырь. И вот эти бенедиктинские монахи долгие годы не могли смириться с таким соседством — проявляли себя воинственно, оскверняли могилы. Особенно досталось первому надгробию, которое появилось здесь в 1389 году — в это время на кладбище был похоронен еврей Шмуэль Бен Шимсон. Но потом члены еврейской общины заключили с бенедиктинцами что-то вроде перемирия. И потекла мирная жизнь кладбища, если можно так сказать. Здесь были похоронены многие

знаковые для еврейской общины Венеции люди. Например, Элия Левита, еврейский грамматик, лексикограф и гуманист XVI века, а также поэтесса Сарра Копия Сулам — автор знаменитого манифеста, провозглашавшего принцип бессмертия души как для христиан, так и для иудеев, она умерла в 1641 году. Потом, правда, форт Лидо стали постепенно расширять в ущерб территории кладбища. В 1736 году еврейской общине и вовсе пришлось отдать большую часть кладбища вдоль лагуны и выкупить другую часть земли в глубине острова. Это был уже почти закат кладбища — вскоре, в 1774 году, здесь прошло последнее захоронение. Впоследствии кладбище все больше запустело. При захвате Италии Наполеоном на надгробия просто пушки ставили. Первое восстановление кладбища провели только при Муссолини, который, как известно, в начале своего правления спокойно относился к евреям. Тогда, несмотря на еврейский запрет совершать какие-то действия с захороненным телом, раввины решили все-таки провести эксгумацию с последующим перезахоронением. Решили они на это из-за воды, размывающей кладбище.

Когда начали копать — нашли сначала 622 надгробия, которые уже ушли под землю, а только под ними уже кости.

Каким было кладбище в вашем детстве?

— Заброшенным, оставшиеся здесь надгробия просто валялись вперемешку. Но на кладбище была какая-то своя особая аура, своя тайна. Как я позже узнал, не только мы с братом любили бывать на этом кладбище. Его посещал Иоганн Гете, например. В середине 1780-х он испытывал творческий кризис, приехал в Италию под псевдонимом Иоганна Филиппа Меллера и долго был в Венеции. Бывал здесь и поэт Пьер Готье, и британский консул в Венеции Джозеф Смит. И даже лорд Байрон, который приехал сюда в ноябре 1816 года. Говорят, он вел в Венеции самую развратную жизнь, какую можно только представить, при этом написав множество поэтических произведений — возможно, в том числе, и на этом кладбище.

Здесь на надгробиях — много изображений, вон есть даже камень со скульптурными херувимами. Почему так?

— Это сейчас не разрешают ничего писать или рисовать на еврейских надгробиях, кроме нескольких оговоренных строк. Раньше все было немного иначе. Вон видите того льва? Его изображение было в Храме, это символ колена Иегуды — скорее всего, погребенный ведет свой род оттуда. А та могила с херувимами явно принадлежит кознам. Скульптурные херувимы украшали крышку Ковчега За-

вета, что стоял в Святой Святы. Согласно еврейской традиции, в те моменты, когда народ Израиля жил праведно, эти два ангела смотрели друг другу в лицо, а в моменты греховного поведения и последующих за ним бедствий — лица были повернуты в разные стороны.

Вы рассказываете о кладбище как профессиональный гид, а не как капитан дальнего плавания!

— Так с этого же и начиналась моя история хранителя. Я вышел на пенсию, вернулся на родной остров и начал вновь, как в детстве, захаживать на кладбище. Вместе со мной сюда стали иногда приходить туристы, которых на Лидо становилось все больше и больше. Им я рассказывал разные истории — ведь, как, надеюсь, вы уже поняли, это не просто кладбище, а настоящая энциклопедия! В конце концов, меня все чаще стали просить провести экскурсии для евреев с разных концов света. Многие из них сокрушались, что кладбище находится в таком бедственном положении. И вот в 1998 году появилась одна женщина из

Нью-Йорка, которая сказала, что готова полностью профинансировать восстановление кладбища. Вместе с другими членами еврейской общины в Венеции мы рассказали об этом городским властям, и они получили от женщины 160 миллионов итальянских лир, т.е. примерно 100 тысяч долларов по тем временам. Эти деньги полностью пошли на восстановление кладбища. Я был своего рода посредником между этой женщиной, еврейской общиной и городскими властями —

курировал каждый этап восстановления. Мы прошли по всей территории с радарами — думали, найдем под землей максимум 35 надгробий, а их оказалось 135. Сейчас они, конечно, расставлены в случайном порядке, но зато они все наверху, на виду, на них смотрят люди, которые сюда приходят, о людях, погребенных здесь, вспоминают.

То есть «дом жизни», как и называется порой еврейское кладбище на иврите?

— Так и есть. В прошлом году одна израильская художница, Хадасса Голдвихт, попросила меня стать главным героем ее мультимедийной инсталляции на венецианской Биеннале-2017. Так вот, ее экспозиция так и называлась — «Дом жизни». Не знаю, насколько я хороший герой, но выставка вроде всем понравилась. Там было много моих дневников, штук двадцать, к тому же фоном шли молитвы на иврите со служб в синагоге. Проникновенно было.

*Анна Гольдберг
Фото: Николай Бусыгин
Jewish.ru*

70 ЛЕТ СПУСТЯ. КФАР-ДАРОМ

Окончание. начало на с. 1

Но ворвались они уже в абсолютное пустое поселение: уходя, евреи разрушили все, что возможно, — ничто не должно было достаться врагу.

Спустя много лет Моше Нецер пишет в своих мемуарах: «Не уверен, что сегодня существовал бы Тель-Авив, если бы не Кфар-Даром и сопротивление, которое оказали его героические защитники. Понять, как они выстояли, невозможно. Но им явно сопутствовала военная удача. Это было какое-то фантастическое везение!»

Тогда же, в 1948-м, Моше Нецер направил премьер-министру уже провозглашенного еврейского государства Давиду Бен-Гуриону просьбу наградить всех выживших бойцов Кфар-Дарома только что учрежденной высшей наградой страны — Орденом мужества. Но просьба словно не была услышана. Вскоре Нецер направил премьер-ми-

нистру повторную просьбу — наградить хотя бы Янкеля Баувеля и Иегуду Тененбойма, проявивших особый героизм. И снова тишина. А затем холодный, в одно слово, отказ: «Нет».

На протяжении десятилетий подвиг

героев Кфар-Дарома старательно замалчивался, и лишь в 1980-х годах о нем стали упоминать, да и то вскользь, словно сквозь зубы. В ответ на вопрос, почему историю Кфар-Дарома так долго обходили молчанием, Йосеф Вальд, криво усмехнувшись, сказал:

— Я далек от политики, но думаю, что Бен-Гуриону, которому тогда принадлежало последнее слово, были не нужны религиозные евреи в качестве героев. Сегодня уже слишком поздно, почти никого из нас не осталось, но я

все равно рад, что о нас вспомнили, пусть и 70 лет спустя.

Историк Арье Ицхаки, написавший книгу о боях за Кфар-Даром и также присутствовавший на церемонии в Кнессете, также считает, что всё дело в людях. «История блокады Кфар-Дарома

не обрела должного места в нашей национальной памяти, потому что ее героями оказались «неправильные люди» из «неправильного сектора». Вот уже много лет я обращаюсь к сменяющимся друг друга начальникам генштабов Армии обороны Израиля с просьбой наградить всех участников боев за Кфар-Даром хотя бы посмертно и каждый раз получаю отказ. Никто не спорит со мной, что речь идет о героях. Но мне говорят, что всё слишком сложно и не стоит ворошить прошлое».

Двадцать пять еврейских ребят без боевого опыта и с самым примитивным оружием сдерживали более полугодом натиск сначала сотен, а затем и тысяч солдат противника, вооруженных минометами, пушками и пулеметами. У меня это просто не укладывается в голове. Как и то, что большинству на эту историю наплевать.

Петр Люкимсон

ЕВРЕЙ ТБИЛИССКОГО РАЗЛИВА

Моисей Борода

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Сказка, в которой каждое слово — была

...если уж Б-г не привёл родиться и жить в Эрец-Израэль, родиться и жить в Грузии было подлинной альтернативой

С сочувствием, перемежаемым с ужасом, читаю про злключения тех, кто под звездой Давидовой родился — не в той уву! стране — и имел дерзость претендовать на медаль/право поступления в соответствующий профилю его таланта вуз¹. Прочёл про издевательства СИСТЕМЫ, накрепко и, казалось, навсегда защищённой Конторой Глубокого Бурения и заботящимися о «чистоте крови» товарищами разного ранга. Не знал я всего этого, не слышал? Слышал, конечно, да ещё как. Но вот знать... И об этом моя небольшая личная повесть.

Единственная просьба к читателям: в том, что я расскажу, есть пара подробностей, которые могут показаться — ну, что ли бахвальством. Пожалуйста, не воспринимайте это так: без определённых деталей то, что я хотел бы сказать, повисло бы в воздухе.

Начну с довузовской — для меня доконсерваторской, для моего брата — доуниверситетской — жизни. Мы оба по школьному образованию скрипачи. С пятого класса я, с первого — мой брат, учились в Центральной музыкальной школе им. Закария Палиашвили в Тбилиси. Это была как бы сказать привилегированная школа. Акт первый: сопротивление при поступлении: 0,0. Гос. экзамен по скрипке: я — 5, брат, заканчивавший шестью годами позже, — та же оценка. Первый, кому бы пришло в голову спросить, почему это еврей зелёная улица (целый ряд одновременно сдававших учеников титульной национальности получили кто 4, кто даже 3, было ещё, насколько помню, три пятёрки), вылетел бы из коллектива без проблем: директором был замечательный человек Гиви Георгиевич Сванидзе (светлая ему память!).

Далее: госэкзамен по сольфеджио и гармонии (коротко поясню: в первом случае нужно было написать трёхголосный музыкальный диктант, назвать аккорды в достаточно быстро играемой последовательности, и т.д. — не хочу утомлять подробностями; во втором — решить задачу по гармонии, поставив, в соответствии с определёнными правилами, аккорды под готовую мелодию; творческую при этом цениться). Итог — пять гармония, пять с плюсом сольфеджио — и по решению педсовета это посчитали официальной оценкой. Я оказался единственным из выпуска с этой самой пять плюс, и никому даже в голову не пришло задавать себе вопрос, чего это нацмену/еврею такой фарт? Теперь представьте себе эту ситуацию в, скажем, Московской ЦМШ. Вы приведёте контрпримеры? Может быть. Тогда, значит, эти молодые люди были самородками (каким я себя и в самом сладком сне считать не буду).

Пойдём дальше. Серебряную медаль мы получили вместе с моей будущей женой-грузинкой (откровенно говоря, она заслуживала медаль много больше, чем я — но так вышло). Прекрасный замысел хоть в чём-то да срезать еврея как-то не пришёл никому в голову.

Наступила пора университетов — то бишь, поступления в консерваторию. Не оставьте, мои дорогие читатели, без внимания, что два этих блага — красный музыкальный диплом и медаль — давали, каждый сам по себе, право поступления в консерваторию с двух на 5 выдержанных экзаменов. Опять-таки представьте эту ситуацию, допустим, в первопрестольной. И учтите тот факт, что не поступивший приглашался безотлагательно приступить к выполнению известного СВЯЩЕННОГО ДОЛГА. Надо ли говорить, что об этом знали все.

Первый экзамен — специальность. Второй сольфеджио... Всё! Я — студент. (К слову: беспрепятственно поступил на физфак университета мой брат — и беспрепятственно окончил его с красным дипломом).

Опускаю занавес — подымаю занавес.

С самого начала я должен был думать и о какой-то работе: скоростно скончался папа, и видеть, как мама одна тянула бы меня и младшего брата, было не для меня. И тут объявляют вакансию на место вторых скрипок в оркестре оперной студии. Было четверо претендентов — вовсе не плохих и обладающих национальным преимуществом. ...Нет, и тут ничего постороннего не сработало: единственное место досталось мне.

Дальше — больше. Уже в начале второго семестра я увлёкся дамой по имени теория музыки и начал подумывать о разводе со скрипкой. Всё оказалось сложнее, но в конце концов я своего добился и перешёл на теоретико-композиторский факультет.

Тут одна пикантная подробность. В том году был ещё один переход — с фортепианного на теоретический. Ректор консерватории добился открытия русской группы на этом факультете для ДВУХ перебежчиков (должен крепко посылать голову пеплом: мой грузинский был тогда на нуле — неслыханный позор, единственное оправдание которому — неполное! — было жуткое по качеству преподавание грузинского в школе; благодарение Б-гу, моей жене Софики и её изумительной, настоящей грузинской интеллигентной семье, я с тех пор дошёл язык до того, что пишу на нём рассказы).

Вот так: факультет для двоих, вокзал для двоих. Короткий узелок на память: эти двое были: один еврей, другая — еврейка. Было это — да, да, да! — после отшумевшей Шестидневной войны, когда в Центре заходились в падучей юдофобства (простите: израилефобства!).

Годы студенчества были праздником — праздником общения с преподавателями. Многих вспомнил бы здесь — да уведёт далеко от темы. И ещё один узелок на память: не один и не два преподавателя/доцента/профессора сказали мне в 1967-м: «Молодцы». Да, да, о войне. О той самой. Шестидневной.

Опускаю занавес — подымаю занавес.

Госэкзамен. Диплом (1971 год). Уву! — четыре. Красный диплом сгорел, не оставив дыма.

— «Ага! Наконец!» — может быть, скажет читатель. — «Всё же где-то должно было вылезти — и вылезло!»

... Нет, не вылезло. Ларчик открывался проще. Я, идиот с гонорком (задрал нос: на третьем курсе — статья в Сообщениях Академии Наук Грузии, дальше — больше), задрался с зав. кафедрой теории. Почти в глаза называл его теорию хернёй. Ну и вот: диплом. Сделал не как все нормальные люди — чистое музыковедение в ту пору уже надоело — нормальный диплом. Нет, проткнул у моего руководителя (Христовар Арамович Аракелов, прижизненный педагог в полном смысле этого слова. Светлая ему память!) тему «вариационность в невариационных формах». Явление было у многих композиторов, но как-то мало обращали на это внимание. И вот на дипломе этот самый дядя после моего доклада спросил: «Это кто ввёл в теорию музыки понятие микровариационной формы?» — с соответствующей интонацией и выражением лица. Разумный человек ответил бы что-то вежливое. Но поскольку я был идиот, я не нашёл ничего лучшего, чем ответить «я». Мило. Четвёрка и сгоревший диплом были наградой (и чуть-чуть наукой: дураки учатся медленно). Антисемитизмом здесь и не пахло.

Занавес опускаю — занавес подымаю.

Защита диссертации. Вот тут уже были проблемы — и какие! ...Нет, опять не то. Другое. На защите (я защищался вторым) тот самый дядя просит передать моим оппонентам — мы сидели и ждали в другой комнате — что после первой защиты он — уву! — уходит. Аргорос: За недели две до этого по консерватории пронёсся красивым хвостом кометы его афоризм «Эту бороду надо сбрить» — здорово сформулировал! Ясно, что после его ухода нужный кворум не получался, поскольку дядя попросил своего коллегу-профессора, также члена совета, вообще не приходить на защиту. По болезни. Кворума нет — защита переносится на... когда ещё удастся собрать трёх оппонентов — Москва (двое из разных организаций) и Рига (оппонент-математик из-за части диссертации, каковая посвящалась закону Ципфа-Мандельброта в музыкальных произведениях)? От антисемитизма дядя был далёк на расстояние минимум светового года. А вот мой гонор и идиотское «я» на дипломе аукнулись мне по-настоящему. Занялся — получил. И вот тут — никогда не забуду поддержки моего первого оппонента, одной из звёзд советского музыковедения Марины Дмитриевны Сабининой (вечная ей память!). Когда ей передали послание насчёт ухода, она попросила передать дяде, что буде он уйдёт, она отказывается быть оппонентом его диссертантке. ...Дядя остался. Более того, заслушав отзывы, он первым встал и сказал, что он за. Всё. Я — кандидат искусствоведения. Единогласно. Теперь представьте, дорогие мои читатели, эту ситуацию в Центре — ну или, допустим, в стольном граде Киеве. Или... Вот так.

Занавес опускаю — занавес подымаю.

... Отматываю пару кадров назад. Уже до защиты были первые публика-

ции за бугром. Ни малейших препятствий ниоткуда я не ощущал. Книга. Нас три автора: русский (Юра Орлов, ин-т кибернетики АН ГССР — исключительного таланта человек!), его жена-грузинка (лингвист) и я. Такое вот братство народов, торжество ленинской национальной политики. Но — забугор, и какой: ФРГ! ...Нет, всё прошло мирно. Следующий этап: по приглашению из того же забугра стал членом редколлегии серии Quantitative Linguistics. Т.ж.с. Никаких подземных толчков. Коллеги поздравляли. Наконец, «вершина предательства Родины»: я из Тбилиси основываю по предложению профессора Альтмана (NB: выдающийся лингвостатистик, один из основателей области) международную серию по методам анализа музыки. Переписка идёт «со всюду»: ФРГ, Италия, США, Япония и... (точно по Маршаку: вдру иностранец воскликнул: «О боже!») Израиль. Вот именно. Всё это известно всем в консерватории. Ну и конечно же, в грузинском КГБ. Подземных толчков — 0,0. Единственной проблемой было дожидаться зарплаты, чтобы оплатить почтовые расходы: бандероль за бугор кусалась!

Занавес — занавес.

...Ещё пара кадров назад. Консерватория окончена. Штатов нет. С трудом выцарапывают место лаборанта технических средств обучения. И это предел. Я уже утверждённый кандидат. Штата по-прежнему нет. Ну ясно: нет у меня знакомых в верхах, зав. кафедрой, да и даже ректор сделать ничего не могут. И вот, не сказав мне ни слова, Антон Григорьевич Цулукидзе, профессор, читавший нам историю грузинской профессиональной музыки (я не забуду долгие послелекционные разговоры о Пастернаке, Тициане и Галактионе Табидзе, других поэтах — образован он был замечательно, редкой души был человек, светлая ему память!) пошёл к министру культуры Отару Такташвили хлопотать за меня — без даже намёка с моей стороны, не говоря уже о просьбе. (Пишу об этом сейчас и слёзы застилают глаза. Нет уже Антона Григорьевича. Как нет и столь дорогих сердцу подлинных интеллигентов, составлявших когда-то костяк грузинского общества.) И да, он добился того, что Отар Васильевич меня принял — и «выбил» штат снс-а (поверьте, это было очень, очень непросто!).

Окончание на с. 4

¹ Госантисемитизм в постсталинскую эпоху? Круглый стол. (<http://club.berkovich-zametki.com/?p=33199>)

ЕВРЕЙ ТБИЛИССКОГО РАЗЛИВА

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Сказка, в которой каждое слово — был

Окончание. Начало на с. 3

Занавес — занавес.

В 1988 году получаю стипендию фонда Гумбольдта. Для исследований в Германии. «Ну хоть здесь-то будут препятствия» — спросит, может быть, читатель. ...Нет, не было. В консерватории реакция — вплоть до ректора: готовность поддержать. Проволочки — да, о них — чуть позже.

Поддержка: меня немедленно поддержал зав. кафедрой эстетики Игорь Аполлонович Урушадзе, светлая ему память! — замечательный, потомственный тбилисский интеллигент, искусствовед с широким кругозором. Но ни он, ни другие не знали точно последовательность действий. Я — меньше всех. И вот я, к тому времени уже член Союза Композиторов Грузии, пришёл в Союз посоветоваться с его Председателем, а им был Сулхан Фёдорович Цинцадзе (композитор от Б-га, квартеты XX века делятся так: Барток-Шостакович-Цинцадзе; да и человек замечательный. Г-споди, о скольких же надо говорить: их уже нет! Нет! Нет!). Посоветоваться — что делать. Мне казалось, что надо получить загранпаспорт, взять билет — и давай. Мечта идиота. Сулхан Фёдорович меня выслушал, поднял трубку телефона, набрал номер замминистра иностранных дел, сказал, что должен приехать к нему по важному делу (тот был, к счастью, на месте), вызвал машину, и мы поехали в Мининдел. В кабинете хозяин очень доброжелательно нас выслушал и сказал, что существует последовательность: я вношу документы в Минкультуры, оттуда то, что надо, идёт ... дальше и после того, как Минкультуры получит документы с «добро» обратно, дальнейшие шаги не представляют проблемы.

Занавес — занавес.

Я жду. Звоню в Минкультуры, нет ли уже «добра». «Нет, ждём». Понятно, что Контора Глубокого Бурения бурит другие дырки, им не до меня. Ну или — кто их там знает. Я — в нервах. Все сочувствуют. И вот как-то я в издёрганном состоянии на вопрос одного из знакомых, как мои дела, выдохнул «никак, жду ответа оттуда».

Мой знакомый — это был декан факультета духовых, замечательный кларнетист Зураб Алавидзе (светлая ему память!) — тут же, не входя в подробности моих вдохов и выдохов, позвонил своему знакомому в КГБ и спросил, почему до сих пор мурьют такого (комплиментарную часть естественно опускаю). Оттуда ответили: всё знаем, постарайтесь ускорить. Я представляю себе эту сцену в московском ГБ! Впрочем, и представлять не надо: на первых же «контактах с забугром» меня бы быстренько свернули в кольцо, а Гумбольдт-фонду послали бы телеграмму о моей болезни/инвалидности. Что верно: в тех широтах я был инвалид пятой группы.

И да — всё было относительно быстро.

Занавес — занавес.

Я — в Марбурге, учу немецкий перед тем как приступить к работе в рамках стипендии. Приходит приглашение из США на две недели. Конференция, доклады и пр. Ну, в общем, царское дело: какая конференция длится две недели? (Свинство: забыл, от какого ун-та точно. Почему — чуть позже). Приглашение пришло на Союз Композиторов Грузии. Так вот: Союз обратился к Тихону Николаевичу Хренникову с просьбой командировать меня в Штаты от СК СССР (оплата дороги Москва — Kennedy Airport — Москва; всё остальное брала на себя приглашающая сторона)! А ведь кто я был в это время для СК Грузии, какая от

меня могла быть польза? 0,0! Тихон Николаевич дал добро.

Добро не дал идиот по имени я. Поскольку для получения визы я должен был приехать в посольство США в Москве. Струхнул. Не поехал. А вдруг обратно не пустят? Тут ведь не с грузинским КГБ надо иметь дело — с центральным. С милыми людьми товарища Бобкова. Так вот сгорел единственный (сейчас-то уж точно единственный) шанс хотя бы увидеть Америку. Потому и забыл, от какого ун-та было приглашение. Постаралась, видимо, услужливая память.

Пара штрихов под медленно опускающийся занавес.

Когда моя будущая жена сказала родителям, кто её, так сказать, суженый, ответом было: «Великая нация!» Вот так. Эти слова я, кстати, слышал и недавно, в общении с архитектором Гигой Багиашвили — архитектором, реставрировавшим/возродившим старый Тбилиси — человеком потрясающей эрудиции, потомственным тбилисским интеллигентом, академиком всемирной и российской академий архитектуры: «Великая нация». Примерно в той же формулировке довелось мне слышать это от Гулбата Григорьевича Торадзе — патриарха грузинского музыковедения, европейски образованного музыканта и лингвиста, также — потомственного тбилисского интеллигента.

2014-й год. 2600-летие еврейской жизни в Грузии. Празднования — на государственном уровне. Конференции, концерты. Статьи в газетах. Замечательная музыка Важа Азарашвили — одной из звёзд до-/постсоветской музыки, музыка других композиторов. Кстати, интересна история музея еврейской культуры в Тбилиси, открытого в 1933 году по распоряжению Отца Народов, закрытого в 1952-м году и вновь открытого в 2014-м — см. напр. <https://ingild.com/2-28-2017/>, стр. 29-33 или <http://www.isrageo.com/2017/06/04/gruzf204/>.

Такой вот ещё штрих: Впервые я услышал о великом поэте Иегуде Халеви от зав. консерваторской библиотекой, Маргариты Макашвили — рафинированного интеллигента, представителя старой княжеской фамилии («тёти Марго», как я её называл и сейчас про себя называю. Увы! Нет уже на свете тёти Марго, давно нет. Светлая ей память!). Она мне, полному тогда дураку, мало чего знающего о еврействе, кроме книг о Холокосте, прочла лекцию о Иегуде Халеви. Всё это, значит, было как тема, как знание в определённых кругах грузинского общества. Как это можно забыть?

...Но то, скажете вы, культура. А в быту?

В быту? Мы без самонадеянности заказывали мацу к Песах (изумительную по вкусу, прокатанную так, как, может быть, не снилось даже в Израиле — уж простите за такие слова: детские/юношеские/взрослые впечатления). В синагоге грузинских евреев работал резник, грузинские евреи венчались в соответствии с религиозным обрядом. Уехали по Завету, сохранив тесную связь с Грузией.

«52-й год?» Ну да, почему евреи Грузии должны были стать исключением? Рука Отца и Учителя дотянулась бы до всех — да Пурим подвёл, а врачующие больного доктора Чейн и Стокс довершили дело. Но вот что я прочёл — не знаю, правда ли, надо поднять грузинские газеты того времени: Берия через свои каналы добился, чтобы газеты в Грузии не бились в общей тогда истерике. Хочется в это верить. Мы этому человеку обязаны практически немедленным прекращением дела врачей. Чтобы кто-либо из отвратительной камарильи, дождавшийся, наконец, отхода их Отца и Учителя, сделал бы

это — хотя бы учитывая глас народа? А уж «Наш Никита Сергеевич» не сделал бы этого точно. Берия — сделал. Кто знает, как бы развернулись события, если бы это дело постепенно спускали на тормозах — например, «помилованием врачей-отравителей». Сколькие из них выжили бы, ожидая решения своей участи — в лапах озверевших палачей? И куда бы вернулись «прощённые» под ропот народного гласа против их возвращения, если бы не решительные слова о фальсификации обвинения? И как бы сложилась наша судьба, судьба «нации, воспитавшей врачей-отравителей», если бы не это безусловное освобождение?

Наверное, хватит. Впрочем...

«И как — Вы, значит, в этом Вашем грузинском оазисе никогда не слышали известного слова из трёх букв — ну или его производного с добавлением гмордаг? Не верю!».

Правильно не верите. Слышал. И не только это слово, но и страстное желание видеть евреев на фонарных столбах.

«Ага, вот видите! Вылезло-таки!»

О, да! Вылезло — вот только откуда? Я ни разу не слышал этого от грузина — а ведь в нашем дворе жили люди, составлявшие нечто противоположное сливкам общества. А слышал я «это» от детей дома, который был расположен напротив нашего жилья — дома офицеров ЗакВо (позже я окрестил его «дом оккупантов»). И слышал, и обращение имел соответствующее, почему и во двор выходил неохотно. «Просветился» я рано: уже в пять лет знал, что «еврею нужен кусочек хлеба и вагончик масла». Так вот.

У Грузии много — очень много, через край! — других серьёзнейших проблем. Есть ли негативные явления? Ещё бы! Многие из них были, многие обострились: страна, даваемая могучим соседом, в растерянности. Но ЭТОЙ проблемы, столь знакомой российскому (и только ли?) еврею нет.

Изменится ли что-то в «этом» плане в Грузии? Не знаю. Хотелось бы верить, что нет. Грузия с её 2600-летней историей евреев. Может быть, это — гарантии? Неясные намёки на родство, слышанные мной от грузин. Намёки на общность судеб. Может быть, здесь гарантия? Впрочем — какие гарантии кто может кому дать в этом постепенно всё больше, всё неотвратимее коррумпирующемся мире?

Что сказать в заключение? Я как еврей был лишён в Грузии еврейского страха. Он был никому не нужен. И, думаю, что, если уж Б-г не привёл родиться и жить в Эрец-Исраэль, родиться и жить в Грузии было подлинной альтернативой. На вопрос же — надо ли говорить, что он возникнет! — «почему же Вы сейчас не там?», ответ прост: пока я могу здесь работать (там этой возможности нет, её нет и не будет), я буду здесь, потом же — там. Но в великой благодарности замечательным людям, с которыми сталкивалась в Грузии судьба — да и в благодарность самой судьбе, подарившей мне эти встречи, я стараюсь — да я просто обязан! — делать что возможно для Грузии — будут ли это литературные фестивали, концерты грузинской музыки в Германии или другие формы.

Моисей Борода

Член Союза Писателей / Союза Композиторов
Грузии и Международной Гильдии Писателей
Статья прислана в редакцию автором.

2 Маленков и Каганович предлагали не спешить с освобождением врачей. Мотив: это произведет негативное впечатление на население, «люди перестанут верить партии». Молотов занимал колеблющуюся позицию... Берия при этом с самого начала не скрывал, что уверен в его фальсификации и беззаконии*. Несмотря на сопротивление некоторых своих коллег, Берия продолжает настаивать на безотлагательном освобождении врачей... (ссылка на Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 356, из воспоминаний Я. Этингера: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9999>)

«Дайджест • Е»

Издатель:
Харьковский
музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор **Лариса Воловик**
Верстка **Сергея Рожкова**
Наш адрес: 61024, Украина,
Харьков, ул. Ярослава Мудрого, 28

Телефоны редакции:
(057) 700-49-90, 714-09-59
<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>
E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»

Отпечатано в ТОВ «ПЕТ»
Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 6.03.2018 г.

Заказ №